

изложении событий до 40-х годов XIII в., хроника не уходит от достоверной основы, героизируя ее, давая ей довольно оригинальную и подчас вольную интерпретацию, проецируя в прошлое многие элементы современной составителям действительности⁵³.

Хроника начинается с описания событий 1095 г. За вводной частью следует повествование о Четвертом крестовом походе и латинской Морее. Греческая версия доходит до 1292 г., французская — до 1305 г.⁵⁴, но обе упоминают о фактах, имевших место и позднее, вплоть до 30-х годов XIV в. Первая часть хроники, более пространно изложенная в греческой версии, изобилует фактическими неточностями и ошибками: автор относит начало подготовки Четвертого крестового похода к 6716/1208 г., именуется правящую до захвата Константинополя византийскую династию Ватацами, путает Михаила Комнина Эпирского с царем Болгарии Калояном; братом и наследником императора Балдуина, убитого в 1205 г. (по хронике, Адрианопольская битва произошла в 1208 г.), именуется Роберт, а не Генрих, о последнем вообще нет упоминаний (Chr. gr. de Morée. Vs. 116—131 etc.). Очевидно, что хронист помнил о Ватаце и Михаиле VIII Палеологе, доставившем столь много неприятностей латинянам, и как бы идентифицировал с ними их предшественников. Во второй, более достоверной исторически части хроники главным ее героем становится князь Морей Гийом Виллардуэн. Источниками хроники были как документы (регистры фьефов, акты княжества, кутюмы), так и устная традиция. Вполне вероятно, что автором хроники являлся гасмул или огреченный франк. Безусловно-^{170}но, он весьма информирован, но не имел классического византийского образования. Он был католиком по вероисповеданию и, возможно, нотарием или легистом феодальной курии по профессии. В греческой версии мы встречаем почти параллельное употребление на соседних строках слов, почерпнутых из средневековой канцелярской практики, и их вульгарно-разговорных эквивалентов. Без перевода часто транскрибируются французские и итальянские термины и выражения. В значительной мере они брались из повседневной языковой практики, но в какой-то мере на их появление мог оказать влияние и первоначальный, негреческий текст.

Большое место в хронике занимают речи. Их достоверность невелика, хотя нередко именно через них выражаются характер героя (этос), авторская позиция. Речи были нужны также, чтобы придать живость повествованию, рассчитанному на устную передачу. В греческих стихах обнаруживается знакомство с французским рыцарским романом. Однако в поэтическом отношении греческая версия хроники, написанная 15-сложным политическим стихом, — явно слабое произведение.

Идейную позицию хрониста можно кратко определить как антивизантийскую, враждебную православию, с восхвалением доблести завоевателей и противопоставлением ей трусости и коварства «внешних» (т. е. византийских, а не живущих в Морее) греков⁵⁵. Нельзя исключить, что греческая версия была официальным заказом, предназначенным для тех архонтов, которых призывали к тесному сотрудничеству с завоевателями, или же создана в среде архонтов-коллорабационистов. Показательно, что хулительные высказывания о ромеях приведены здесь гораздо полнее, чем даже во французской версии, где они нередко в тех же местах опущены.

Хронист — знаток официальной идеологии, права и обычаев франкской Ахайи. Но он, безусловно, знаком и с византийскими политическими концепциями, нередко сталкивает между собой два идеала, два подхода. Словесная дуэль происходит между захваченным в плен князем Гийомом Виллардуэном и Михаилом VIII Палеологом. Византийский василевс требует от Виллардуэна за освобождение его и цвета французской знати из плена отдать Морю, обещая в обмен крупную сумму денег, чтобы князь приобрел себе земли во Франции. Гийом отвечает отказом: он не держит земли Морей как свой патримоний, но лишь управляет ими по наследству от предков. Территория эта была завоевана всеми дворянами, пришедшими в Романию с отцом Гийома, и была разделена между ними. По письменным договорам князь не мог предпринимать что-либо без совета и воли своих «друзей», а тем более распоряжаться землями. Гийом лишь выражал готовность внести выкуп. Византийцы, как кажется, не желали по-

⁵³ См.: *Медведев И. П.* К вопросу о социальной терминологии Морейской хроники // *ВО.* М., 1977. С. 138—148.

⁵⁴ *Nicol D. M.* The End of the Livre de la Conquete: a Chronological Note // *BF.* 1987. Bd. 12. P. 211—220.

⁵⁵ *Irmischer J.* Les Francs — représentants de la littérature en grec vulgaire // *BF.* 1979. Bd. 7. P. 57—66.